

Библиотека Демократического Социализма
Под редакцией А. Н. ПОТРЕСОВА

Вл. Войтинский

Силы современного социализма

ПАРИЖ
1929

Библиотека Демократического Социализма

Под редакцией А. Н. Потресова

Вышли из печати:

I. Ст. Иванович

«ВКП» ДЕСЯТЬ ЛЕТ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ МОНОПОЛИИ

Содержание: 1. Партия и государственная власть. 2. Партийно-государственная монополия и ее последствия. 3. Коммунистическая монополия печати. 4. Партия и пролетариат до смерти Ленина. 5. Партия и пролетариат после смерти Ленина. 6. О свойствах советского «треугольника». 7. Партия и крестьянство. 8. Партия и Красная армия. 9. Внутренняя жизнь партии. 10. Старая гвардия и смена. 11. Новый господствующий класс. 12. Пути России и пути компартии. 256 стр.

II. Вл. Войтинский

«СИЛЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛИЗМА»

Содержание: 1. Численность и состав пролетариата. 2. Тенденции развития пролетариата. 3. Крестьянство и тенденции его развития. 4. Силы социалистического рабочего движения. 5. На пути к власти. 128 стр.

Готовится к печати:

П. Гарви

БОЛЬШЕВИЗМ И МИЛИТАРИЗМ

Дом Плеханова"
№

Вл. Войтинский

Силы современного социализма

ПАРИЖЪ
1929

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение	3
1. Численность и состав пролетариата	7
2. Тенденции развития пролетариата	31
3. Крестьянство и тенденции его развития	63
4. Силы социалистического рабочего движения	91
5. На пути к власти	112

и за автором.

Введение

Можно по-разному представить себе социалистический строй и пути к его осуществлению. Можно по-разному мыслить переходный период между капитализмом и социализмом, измерять его годами или десятилетиями, называть его теми или иными характерными признаками, так или иначе отграничивать его от чистого капитализма с одной стороны и от полного социализма с другой стороны. Но одно представляется бесспорным: неразрывная связь между социализмом и рабочим движением. В установлении этой связи бессмертная заслуга Маркса, — б. м., одна из величайших заслуг его, как первой научной социальной мысли, так и перед рабочим классом.

Лишь как знамя борьбы определенного общественного класса, выдвигаемого вперед, организуемого самим процессом хозяйственного развития, лишь как знамя рабочего движения, социализм из смутного идеала стал реальностью, из утопии превратился в науку. В социализме полностью не только трудовой опыт пролетариата, но и его представление о справедливости, — представление о справедливости класса, не эксплуатирующего чужого труда, но являющегося постоянным объектом эксплуатации и в горниле борьбы за собственное освобождение закаленного в себе ненависть ко всякому угнетению, ко всякому неравенству.

Это, само собой разумеется, не означает, что только пролетарий может быть социалистом, как не означает это и того, что каждый пролетарий, уже в силу своего классового положения, является носителем идей социализма. В Англии ми-

лионы рабочих голосуют на выборах за консервативную партию; в Германии рядом со свободными профессиональными союзами имеются католические и открыто-реакционные националистические рабочие союзы, насчитывающие сотни тысяч членов; рабочие составляли значительную часть той армии чернорубашечников, которую вел в октябре 1922 г. на Рим Муссолини, и в организованной им «новой» Италии фашистские рабочие союзы являются, как известно, одной из главных опор существующего строя; такую же гримасу истории представляют собой и профсоюзы в Советской России.... Подобных примеров можно привести сколько угодно: если бы история не знала подобных гримас, если бы все учтенные и эксплуатируемые во всем мире одинаково понимали свои исторические задачи и единым путем шли к своей цели, то эксплуатация и угнетение давно бы исчезли из мира! Именно потому и приходится говорить о социализме, как о будущем общественном строе, как об еще не достигнутом идеале, что силы пролетариата лишь постепенно собираются под его классовое знамя. Но они собираются — этот процесс можно проследить с исчерпывающей ясностью на протяжении десятилетий: рабочее движение, сквозь все идеологические и материальные преграды повсюду приходит к социализму, подобно тому как воды всех рек мира стекают в океан.

Силы социализма — это силы современного рабочего движения. Этим определяются рамки настоящего исследования.

На следующих страницах я попытаюсь прежде всего выяснить численность и состав пролетариата в разных странах, стоящих на различных ступенях хозяйственного развития. Затем мы обратимся к вопросу о тенденциях развития пролетариата в ходе эволюции капитализма и о темпе его численного роста. Попутно остановимся на влиянии на численность и состав пролетариата таких процессов, как индустриализация, концентрация промышленности, технический прогресс. После этого мы займемся вопросом о численности и тенденциях развития того общественного класса, в рядах которого и пролетариат и его классовые противники ищут себе союзников, — я имею в виду крестьянство. Четвертая глава этой книги будет посвящена учету действительных сил рабочего движения на экономическом и политическом фронтах и вопросу о возможности конечного торжества этих сил. В заключение мы коснемся основных тактических проблем, встающих перед ра-

бочим движением по мере усиления его и приближения к власти.

Не предвсхисшая выводов, к которым приведет нас наш анализ, отмечу, что все перечисленные проблемы допускают различные методы исследования, методы, не исключающие, но дополняющие друг друга. Тот метод, который принят мною и составляет основу настоящего исследования, покажется, быть может, иным из читателей несколько неожиданным и трудным: в самом деле, статистика вместо теории! таблицы и диаграммы вместо цитат!

Но статистика представляет собою не что иное, как количественный анализ данного круга явлений. Чем сложнее изучаемое явление, тем очевиднее невозможность исчерпывающим образом осветить его исключительно путем исчисления и измерения отдельных его элементов. Но тем очевиднее также невозможность обойтись без таких исчислений и измерений, т. е. без статистики. Статистика не претендует заменить собой социологию, но она является существенной отраслью, и необходимой составной частью позитивной (описательной) социологии, именно количественной (описательной) отрасли ее. Но если признать необходимость применения статистического метода при изучении социологических проблем, то приходится принять и свойственный этому методу аппарат исследования и изложения.

Пара цифр, приводимая в подтверждение определенного взгляда, еще не статистика. Каждая цифра говорит лишь то, что она говорит: тогда то, там то, на основании таких то приемов, такой то признак был отмечен столько то раз. Познавательно ценными становятся цифровые данные лишь в результате сравнения, а сравнение предполагает предварительный анализ сравниваемых величин (с точки зрения их однородности, степени точности и т. д.). Статистика как наука и искусство, располагает приемами анализа, которые в известных пределах гарантируют научную ценность результатов сравнения. Но использовать арсенал этих приемов, не «загромождавая» страници цифрами и таблицами, увы, так же невозможно, как невозможно — по немецкой пословице — выкупать медведя, не замочив его шерсти.

Если бы приступая к изучению каждого нового вопроса, мы имели готовый ответ на него, если бы мы владели талисманом, раскрывающим смысл всех явлений, и статистика была для нас лишь методом доказательства истины, которую мы

давно уже носим в жилетном кармане, то нам легко было бы украсить наши страници цифрами как раз в таком количестве, чтобы не затруднить читателя и вместе с тем внушить ему необходимое почтение и нашим «выводам». Но при попытке скальпелем статистики вскрыть действительные количественные соотношения в мире социальных явлений, трудно обойтись без тяжеловесных статистических таблиц...

Еще одно предварительное замечание. В этой книге лишь очень немногие страници посвящены непосредственно России и большевизму. Быть может, это вызовет против автора упрек в том, что он не уделил достаточного внимания «русскому опыту». Но такой упрек был бы несправедлив.

Современное социалистическое рабочее движение во всех странах мира идет под знаменем социал-демократии. По отношению к этому движению коммунизм является не фракцией, а внешней, разлагающей движением силой, действующей по особому плану, опирающейся на особую организацию и особые материальные средства. В балансе сил современного социализма большевизм, и все, что связано с ним, значит в графе потерь и убытков под титулом «последствия всемирной войны».

Социологическая и историко-философская концепция большевизма представляет собой явную противоположность той концепции, которую установил марксизм в результате преодоления бакунизма и бланкизма. Сведя до минимума критическую оценку большевистских теорий, я сосредоточил все внимание на количественном анализе тех общественных сил, из которых выросла социал-демократия и выросла социализм. Но именно поэтому читатель, привыкший в русской книге о социализме прежде всего искать ответа на вопросы, связанные с Россией, найдет, быть может, в нашей трактовке проблемы некоторые новые данные для оценки политики Коминтерна.

Техника перерастает емкость внутреннего рынка. Условия социального распределения вступают в конфликт с условиями производства и ставят преграду его дальнейшему росту. Промышленность вынуждена сокращать число рабочих рук. Армия безработных растет; несмотря на расцвет хозяйства. Но с ростом армии безработных сжимается внутренний рынок страны. В предвидении возможной потери заработка, становятся осторожнее в своих расходах и те, кого еще не коснулась костлявая рука безработицы. Внутренний рынок получает, таким образом, новый удар с другой стороны.

Выход из положения мог бы быть найден на пути решительного и смелого повышения доли трудящихся в ростущем национальном доходе. Но слишком велик для предпринимателей соблазн искать решения в другом направлении: в усилении производства путем понижения заработной платы, в усиленном вывозе (оплат так за счет понижения платы рабочим) и т. д. Растущая безработица благоприятствует проведению этой близорукой политики, — и таким образом за парадным фасадом расцвета американской промышленности зреют глубокие внутренние противоречия и конфликты.

Впрочем, эти соображения отвлекают нас от нашей основной темы. Я не утверждаю с уверенностью, что американская промышленность уже вступила в такую полосу, в которой растут фабричные корпуса, растет мощность технических двигателей, между тем как количество обслуживающей этот производственный аппарат живой рабочей силы непрерывно сокращается. Но первые признаки такой новой фазы развития промышленности, по видимому, уже налицо. Наиболее же существенным представляется то обстоятельство, что пример Америки доказывает возможность наступления такой фазы в капиталистическом развитии любой страны:

на определенной ступени капиталистического развития, при достаточно высоком уровне промышленной техники, при несоответствии между условиями социального распределения и условиями производства, может наступить такое положение, при котором промышленность будет дальше развиваться, не только не привлекая к себе новых рабочих сил,

но постепенно сокращая число своих рабочих и служащих.

Возможность такого положения нельзя опровергнуть ссылкой на то, что технический прогресс требует усиленного производства машин, — что, следовательно, машиностроение и связанные с ним отрасли промышленности будут предъявлять все больший спрос на рабочую силу. Приток рабочей силы в производство средств непосредственного потребления (напр., в текстильную промышленность) в передовых капиталистических странах и теперь уже чрезвычайно мал, новая рабочая сила и теперь уже направляется почти исключительно в производство средств производства. Вопрос заключается в том, не приведет ли дальнейший прогресс техники в этих отраслях производства к сокращению их спроса на рабочую силу. Возможность такого положения едва ли вызывает сомнения. Предсказать, превратится ли эта возможность в реальность и когда именно это случится, крайне трудно. Все зависит от соотношения темпа роста техники, с одной стороны, и потребления, с другой стороны.

Возвращаясь к материалам американских промышленных переписей, отметим, что по вопросу об изменении состава пролетариата они дают ту же картину, которую мы уже наблюдали столько раз в различных странах Европы: непрерывное увеличение относительной численности служащих. На 100 рабочих приходилось в американской промышленности служащих:

в 1899 г.	7,7
» 1904 »	9,5
» 1909 »	11,3
» 1914 »	13,7
» 1919 »	15,9

В последние годы этот процесс роста относительного числа служащих в промышленности приостановился (в 1921 г. — 16,5, в 1923 г. — 15,5, в 1925 г. вновь 15,9, как в 1919 г.). Но в это время происходил другой процесс, имеющий для состава всего пролетариата в стране то же самое значение: уменьшалось количество рабочей силы в промышленности, при одновременном росте торгового аппарата и армии торговых служащих.

Я мог бы привести статистические данные, характеризующие изменение численности и состава пролетариата еще для полудесятки или десятка различных стран, но эти данные (по

большей части охватывающие лишь часть хозяйства соответствующих стран) не вносят существенно новых черт в занимающую нас картину: повсюду развитие хозяйства сопровождается увеличением численности пролетариата; повсюду промышленный пролетариат возрастает быстрее, нежели все население вообще, но медленнее, чем число лиц, занятых в торговле и транспорте; повсюду число служащих растет быстрее, чем число рабочих.... Каковы перспективы дальнейшего хода описанных процессов?

Народам, находящимся на ранних ступенях хозяйственного развития, повидимому, суждено пройти через то же горнило пролетаризации, через которое прошли страны высоко развитого капитализма. Но нет основания ожидать для них повторения английского типа развития (с почти полным отмиранием сельского хозяйства и т. д.). Более обычным представляется тот тип развития, который мы наблюдаем в Германии, Франции, Италии и многих других странах, где, наряду с прогрессирующей концентрацией промышленности, своими особыми путями протекает развитие сельского хозяйства, и общий коэффициент пролетаризации населения, правда, повышается, но повышается крайне медленно, так что десятилетия проходят, прежде чем численное соотношение социальных классов передвинется на несколько процентов.

Сравнительно быстрее происходит изменение численного соотношения различных элементов внутри пролетариата. Ремесленный пролетариат не исчезает совершенно со сцены, но численное значение его постепенно уменьшается по сравнению с численностью рабочих, занятых в крупных предприятиях. Армия торговых и транспортных служащих растет быстрее, нежели растут кадры промышленного пролетариата. В рядах промышленного пролетариата растет численное значение служащих.

К этому следует прибавить еще одну черту, — черту, не уловленную теми цифрами, которые прошли перед нами, но имеющую огромное значение для эволюции пролетариата, как общественного класса: с прогрессом техники растут требования, предъявляемые хозяйством к степени квалификации рабочей силы. Не только увеличивается относительная численность квалифицированных рабочих, но и повышается степень квалификации. Во время Адама Смита от директора фабрики не требовалось того уровня общего образования и специальных знаний, которые в капиталистически развитой стране обя-

зательны для слесаря-монтера или водопроводчика. Сто лет тому назад директор-экспортной фирмы мирового значения не всегда обладал теми коммерческими знаниями, которые в настоящее время обязательны для заведующего отделением в лондонском или берлинском универсальном магазине. Недаром в немецких профессиональных школах преподают начала высшей математики, — это отвечает требованиям современного хозяйства, требованиям новой техники.

Правда, наряду с этим, в высоко развитом капиталистическом производстве расцветает фордизм, доводящий до логического конца принцип разделения труда, разлагающий весь производственный процесс на его простейшие элементы, низводящий производительный труд на уровень одного простого движения, повторяемого несчетное число раз изо дня в день. Фордизму с его бесконечным рядом не нужны квалифицированные рабочие, ему нужны — штаб превосходного хозяйства, требованиям современной техники.

Но было бы глубоким заблуждением думать, будто в фордизме воплощение современного производства, будто фабрики Форда прообраз того, как будет в более или менее близком будущем организовано все производство. Опыт показал, что область применения методов Форда весьма и весьма ограничена — в том то и проявилась гениальность автомобильного короля, что он применил эти методы именно там, где они могли принести обильные плоды!

В общем и целом развитие капиталистического производства отнюдь не идет по пути превращения рабочего в безгласный придаток машины и замены сознательного труда выполнением велений надсмотрщика и машины. Скорее для развитого капитализма характерен процесс, который может быть определен, как и инженеризация труда. Каждый рабочий становится все в большей степени носителем тех специальных знаний, навыков и функций, которые раньше составляли достояние высшего технического персонала. Постепенно стирается грань между рабочим (в частности, квалифицированным рабочим) и техническим служащим-инженером. Вместе с тем легче становится переход рабочего — или его детей — от станка к чертежному столу или конторке. Одновременно и внешнее положение служащих, по мере увеличения их численности, все больше приближается к положению рабочих: рядовой инженер уже теперь получает немногим больше (а иногда и меньше), чем квалифицированный рабочий. Граница

Сходное явление можно наблюдать и в других странах: там, где крестьянство не захватило в свои руки всех земель революционным путем (как во Франции в конце XVIII-го века), оно пядь за пядью отвоевывает землю от наследников феодалов. В этом смысле аграрные революции, прокатившиеся после всемирной войны по восточной Европе, представляли собой лишь бурное проявление того грандиозного экономического процесса, который в иных формах, несмотря на все препятствия, протекал и до войны во всех странах мира, где ставилось крупное и мелкое сельское хозяйство.

Я знаю, что эти мысли могут показаться не вполне обычными в русской марксистской среде, где долго царило представление о косности и отсталости крестьянского хозяйства, где революционизирующее действие капитала на деревню нередко мыслится в виде неизбежной дифференциации крестьянской массы, концентрации хозяйства и т. д., где эволюция сельского хозяйства (в частности, эволюция его в сторону социализма) рисуется в виде повторения сельским хозяйством того пути, которым шло в течении XIX-го столетия городское ремесло. И именно потому, что изложенные мною положения — имеющие, как я покажу ниже, решающее значение при постановке проблем социалистической тактики — именно потому, что эти положения противостоят старым привычкам мышления в русской марксистской среде, именно поэтому я считал полезным вместо логического обоснования и полемической защиты их сослаться лишь на эмпирически данные факты.

Мы не должны идеализировать крестьянское хозяйство: в нем имеются и темные, и светлые стороны; преобладание тех или иных из них зависит от множества условий, меняющихся во времени и доступных воздействию человеческой воли.

Но одно несомненно: крестьянское — в широком смысле — хозяйство отнюдь не является пережитком ушедшего в прошлое социального строя, каковым являются, с одной стороны, ремесленная мастерская или мелочная лавочка, а с другой стороны, латифундии английских лордов, венгерских магнатов или восточно-прусских юнкеров. Это — в наше время основная форма сельскохозяйственного предприятия, форма столь же типичная для современного земледелия, как типичен гигантский завод для современной промышленности.

В чем источник жизнеспособности мелкого индивидуального

предприятия в сельском хозяйстве? В физических особенностях земледелия? В способности крестьянина к безграничному урезыванию своих потребностей, к безконечному напряжению своих сил ради сохранения своего двора? Отчасти и в этом, но отчасти и в другом. Опыт последних десятилетий показывает, что крестьянское хозяйство — при благоприятных условиях — способно к прогрессу в смысле интенсификации обработки земли, улучшения техники, усвоения всех достижений науки, использования — при посредстве кооперации — всех выгод общественной организации. Правда, нет такой страны с молочными реками в кисельных берегах, где на лицо были бы все эти блага.

Но разве фермерские хозяйства Нового Света не доказали возможности применения наиболее усовершенствованных орудий в рамках «трудового предприятия»? Разве не крестьянскому хозяйству обязаны Нидерланды чудесами своего скотоводства? Разве датский крестьянин не доказал всему миру возможности объединения десятков тысяч в полной мере самостоятельных индивидуалистических предприятий в обществено целостную хозяйственную ткань?

Германская статистика всего убедительнее свидетельствует о том, насколько успешно усваивают крестьянские хозяйства достижения агрономии и техники. Крестьянин, при всей ограниченности своего кругозора, прекрасно знает, что нужно для его пашни. В культурных странах он давно уяснил себе преимущества искусственного удобрения почвы, научился комбинировать калийные, аммиачные, фосфористые и всякие иные удобрения, научился дополнять свою основанную на эмпирике мудрость бюллетенями метеорологической станции, а главное, он обзавелся сельскохозяйственными машинами. Вот несколько цифр, характеризующих распространение сельскохозяйственных машин в Германии.

ТАБЛИЦА 21
Число предприятий, пользующихся сельскохозяйственными машинами в Германии

Предприятия имеющие:	1882	1895	1907	1907	1925
	В довоенных границах			В новых границах	
Механические плуги	836	1.696	2.993	2.239	8.813
Сеялки	63.832	290.079	237.403	543.705	
Косилки	19.634	35.084	301.322	270.300	727.886
Паровые мотыльки	75.690	259.364	488.867	449.381	786.031

анализа социального состава населения капиталистических стран, из того факта, что большинство населения в странах достигших определенной степени развития, составляет пролетариат, вытекает, что при последовательном проведении принципов демократии, воля пролетариата должна, в конце концов, восторжествовать и найти воплощение в государственных и хозяйственных формах жизни народов.

Воля пролетариата! Но имеются ли у нас основания для уверенности в том, что у пролетариата должна быть и будет е д и н а я воля? И почему воля рабочего класса должна оказаться тождественной с социал-демократической партийной программой?

Эмпирический, несомненный факт — непрерывный рост социалистического движения. Такой же несомненный факт — значение этого движения, как одной из основных, решающих сил современной мировой политики. Но имеются ли основания ожидать и в дальнейшем такого же поста социал-демократии, который превратит ее в бесспорное, прочное большинство и даст ей в руки всю полноту власти? Я говорю, разумеется, не о призрачной власти правительства меньшинства (каким было правительство Макдональда в 1924 г.), не об узко ограниченной власти кабинета, сложившегося в силу временного соотношения сил в палате (каким был кабинет Брантинга), не о сомнительной власти с.-д. министров при коалиции (как это было при всех сценарных правительствах Франции, Германии, Бельгии). — нет, я имею в виду ту полноту власти, которая необходима для смелых преобразований, для разрыва с традициями прошлого, для установления новых основ хозяйства и права. Такая власть может опираться лишь на сплоченное, сознательное большинство, которое не может быть разбито тактическими комбинациями противников, демагогическими лозунгами, колебанием настроения народных масс.

Может ли социал-демократия ожидать, что в более или менее близком будущем она завоеует т а к о е большинство? Вопрос этот представляется решающим при определении основных линий социалистической тактики: при отрицательном ответе социал-демократия должна либо отказаться от социализма, как реальной цели своей борьбы, либо порвать с мыслью о достижении этой цели на путях демократии и искать иных методов борьбы. Другими словами: если социал-демократии не суждено собрать под свое знамя прочное, бес-

спорное большинство, то для нее существуют лишь два пути: р е ф о р м и з м, отказывающийся от коренного преобразования капиталистического строя и ограничивающийся частичными улучшениями положения пролетариата; или б о л ь ш е в и з м, порывающий с методами демократии и ставящий на заговоры и восстания, на захват власти путем путча и на ее удержание путем террора. Тот путь, которым идет социал-демократия и который одинаково далек от реформизма (в указанном смысле) и от большевизма, лишь в том случае может быть признан разумным и исторически оправданным, если партия рабочего класса может стать партией прочного большинства и сознательно стремиться к этой цели.

Но тут мы вступаем в область вопросов, для выяснения которых необходимо разобрать положение в нескольких типичных странах.

Начнем с Англии. Страна старой демократии и старого капитализма. Около 79% населения — пролетарии, всего лишь 21% — собственники средств производства. Какой же силой имеющие классы заставляют большинство пролетариев голосовать на выборах за те партии, которые главной целью своей ставят сохранение капиталистического строя? На последних выборах консерваторы и либералы вместе собрали 74% всех голосов. Но буржуазные, собственнические элементы составляют среди населения страны лишь 21%. Предположим, что они не дали Рабочей Партии ни одного голоса. Тогда схематически распределение всех избирателей на выборах в Палату Общин в 1924 г. можно представить в таком виде:

Имущие классы, голосующие за буржуазные партии	21% избирателей
Пролетарии, голосующие за буржуазные партии	53%
Пролетарии, голосующие за Рабочую партию	26%

Таким образом, за консерваторов и либералов на последних британских выборах голосовало, повидимому, в два раза больше пролетариев, чем за Рабочую Партию. Кто же эти пролетарии, отдающие свои голоса партиям враждебного класса?

Из анализа социального состава населения Англии мы знаем, что среди британского пролетариата 54,2% приходится на промышленность, а остальные 45,8% на сельское хозяйство (4,9%), на торговлю и транспорт (24,2%), на государственную и общественную службу и свободные профессии

могут не замечать, насколько переход все новых и новых сотен тысяч и миллионов рабочих и служащих под знамя Рабочей Партии, отличается от прежних колебаний избирателей между лозунгами тори и вигов, либералов и консерваторов. Тогда речь шла о двух оттенках социально почти тождественной политической силы, теперь борьба идет между противоположными классами, между двумя принципами, двумя историческими эпохами. Ни у либералов, ни у консерваторов не было своей строго очерченной социальной базы: избиратель — до недавнего времени, пенсовый избиратель — выбирал каждый раз заново между тем и другим кандидатом и голосовал за того кандидата, который ему больше нравился. Совершенно иной характер имеет собрание сил Рабочей Партии: сквозь пелену вертящихся вокруг партии подвучников не трудно видеть растущее с каждым годом социально однородное ядро партии, осознавшее и с полной отчетливостью опирающееся свою противоположность господствующим классам. Правда, в партию вступают и представители буржуазной интеллигенции, старой аристократии, высшего духовенства, но смысл этих характерных для английской жизни парадоксов заключается в том, что одиночки из стана сегодняшних хозяев жизни переходят в стан социально угнетенных, переходят в силу двойных мотивов, о которых открыто говорят своим новым товарищам: «На вашей стороне правда! А кроме того, на вашей стороне несомненная победа!»

Что может противопоставить британский консерватизм росту Рабочей Партии? Силы — традиции, «респектабельность». Но Рабочая Партия усвоила внешне формы традиционного благолепия. Любой бухгалтер, любой инженер может вступить в партию, в списках которой рядом с миллионами рабочих значится уже с полдюжины лордов.

Церковь? Но Рабочая Партия не борется с религией, не выступает против церкви. И вот сотни тысяч углекопов, которых воспитанные веками суеверие, будни в мрачных шахтах и воскресные проповеди с амвона так долго удерживали в стороне от движения, постепенно начинают сознавать себя участниками общего классового движения.

Рост партии идет по двум линиям: с одной стороны, растет ее чисто рабочее ядро, с другой стороны, все больше распространяется ее влияние в смежных с промышленным пролетариатом слоях (среди служащих, чиновников, интеллигенции и т. д.). Второй процесс протекает медленнее, чем пер-

вый. Но обоих процессов достаточно, чтобы превратить Рабочую Партию в прочное большинство, а общее сознание неизбежности роста новой силы облегчает ей захват новых позиций вне фабрик, заводов и шахт.

Консерватизм пытается бороться с надвигающейся опасностью методами устрашения. Но на этих путях в Англии многого достичь невозможно — особенно, опираясь на рабочих избирателей! Либерализм пробует воздвигнуть против красной волны несокрушимую плотину, усвоив часть требований Рабочей Партии, ее концепцию государства, ее метод подхода к экономическим проблемам. Но такая мимикрия либералов сама по себе уже является победой принципов рабочего движения, — а победа всегда окрыляет, всегда дает стимул дальнейшего порыва вперед. Новым шансом успеха для Рабочей Партии является неспособность консерваторов и либералов сговориться об общей тактике борьбы с социалистической опасностью.

При таких условиях, дальнейший рост Рабочей Партии и приобретение ею прочного большинства в стране и в парламенте едва ли может подлежать сомнению. Получит ли она большинство уже на ближайших выборах, или после следующей легислатуры, или еще через 10 лет, — предсказать, разумеется, невозможно. Может быть, распространение избирательного права на женщин пойдет на пользу консерваторам. Может быть, случайная неосторожность вождей движения позволит коммунистам внести в рабочую среду яд раскола и авантюризма, т. е. движение будет снова отброшено назад. В исторической перспективе подобные зигзаги восходящей кривой имеют лишь второстепенное значение. Путь рабочего движения в Англии ясен: при социальной структуре страны, пролетариат рано или поздно овладеет всей властью, если только удастся ему пронести сквозь горнило исторических испытаний верность двум принципам, — принципу классовой борьбы, классовой организации, с одной стороны, и принципу демократии, с другой стороны.

Обратимся к Германии. Коэффициент пролетаризации здесь ниже, чем в Англии, — всего 66% (не считая рентьеров, пенсионеров и др. лиц «без определенных занятий»). За буржуазией стоит здесь крестьянство (по переписи 1925 г. около 7 милл. самостоятельного населения, считая жен и участвующих в производстве крестьянских сыновей). Мощное крестьянство отрывает от рабочего движения, втягивает в орбиту своего

ты, а крестьяне и крестьянские сыновья, — и их руками была задушена, их сапогами была растоптана Коммуна.

В России в 1905 г. огромное большинство городского населения было на стороне революции. Отход буржуазии от революции после октября не спас бы царизма, но рабочее движение в городах не было поддержано деревней, крестьянские массы держались в стороне от борьбы, — и потому в руках самодержавия осталась армия, в подавляющем большинстве своем состоявшая из крестьянских сыновей. В феврале-марте 1917 года городское движение было едва ли сильнее, чем в 1905 г. Разница положения была лишь в том, что революционным движением была охвачена и внешне неподвижная крестьянская масса. На стороне царизма не оказалось армии, и он пал при первом же натиске пролетариата.

На наших глазах разыгрывается в Австрии политическая драма, во многом похожая на французскую трагедию 1871 г. В городах большинство населения на стороне социал-демократии. Но буржуазия, бессильная против своих классовых противников в городе, апеллирует к крестьянству. Ей удалось разжечь в отсталых горных деревнях такую же ненависть к красной Вене, какую больше полувек тому назад версальцы сумели внушить французским крестьянам против Красного Парижа. Разве крестьянские дружины, которые втихомолку вооружало правительство Зейделя, по социальному составу и по своим задачам не родственны войскам Тьера и Галифе? Разве в 1928 г. своим походом в *Neustadt* под Веной они не пытались прорепетировать будущий поход на Красную столицу? Характерно, что основным лозунгом этого похода являлось уничтожение квартирного законодательства, остающегося в Австрии со времени войны, законодательства, защищающего квартирантов, фактически отменившего ренту на городскую недвижимость и создавшего почву для блестящей строительной политики венского муниципалитета. Вопрос о квартирной плате давно волнует венских домовладельцев, не даром стоит он в центре всех политических выборов в столице Австрии! Но этот вопрос ни в малейшей мере не затрагивает интересов тироляских, форарльбергских или зальцкаммергутских крестьян! Но в этом то и заключается наиболее характерная черта борьбы Версаля с Коммуной, что вооруженные крестьянские сыновья защищают не свои интересы, служат не своему делу, таскают каштаны из огня для чуждого и, в конце концов, враждебного им класса!..

Но вернемся к Германии. Миллионы крестьянского населения в Германии являются чрезвычайно весомым политическим фактором: пока они идут за крупными аграриями, на стороне класса собственников оказывается не только большая политическая сила (при голосовании), но и внушительная физическая сила (рейхсвер и тайные дружины). Вместе с тем социальный и политический вес крестьянства накладывает особый отпечаток на группировку всех вообще собственнических, социально реакционных элементов в стране. Сами по себе крупные аграрии, представители отжившей политической системы и отживающей формы сельского хозяйства, непрерывно требующие от государства денежной и таможенной поддержки, сами по себе Junkers, не могли бы играть в Германии значительной политической роли. На лучший конец, они должны были бы оставаться в положении кривлякой и шумной, но мало влиятельной кучки на правом фланге собственнического блока, лирического угольным королями, стальными баронами и рыцарями финансового капитала. Но в армии этих королей и баронов составляет крестьянство. Привести крестьян под их знамена могут только аграрии. И вот, в о г л а в е собственнического блока оказывается немецко-национальная партия, представляющая интересы крупных аграриев, — не только численно, но и экономически и а м е н е е значительной социальной группы внутри класса собственников!

Мы видели, что рабочие и служащие в промышленности, торговле и транспорте составляют 46,3% самостоятельного населения Германии. Если бы социал-демократии удалось объединить под своим руководством всю эту пролетарскую массу и хотя бы четверть остальных пролетарских элементов (в сельском хозяйстве и на государственной, общественной и частной службе), то она уже располагала бы абсолютным большинством в стране. Но необходимо помнить, что и в промышленности не весь пролетариат идет за социал-демократией: помимо того раскола, которое внесли в немецкое рабочее движение коммунисты, значительные слои пролетариата до сих пор находятся под влиянием клерикальных и националистических организаций. На поверхности политической жизни борьба социал-демократии с коммунистами занимает больше места, нежели борьба свободных (классовых) рабочих организаций с объединенными, служащими для проведения буржуазных влияний в пролетарскую среду. Но социологически и исторической перспективе, эта последняя борьба имеет большее значение.

это к таким по преимуществу крестьянским странам, как Швеция, Норвегия, Финляндия...

Я ограничусь этими беглыми замечаниями о силах рабочего движения в отдельных странах. В мои задачи не входит ни характеристика особенностей этого движения, ни критика его тактических путей, ни анализ противостоящих ему противников. Я стремился осветить лишь размеры этого движения, — его нынешнюю мощь, перспективы его дальнейшего роста, ширину его социальной базы, возможность дальнейшего ее расширения. Если приведенные мною статистические данные пролили некоторый свет на эти вопросы, то они должны были осветить и другую сторону проблемы: если социализму не легко собрать под свое знамя прочное большинство населения то против социализма в капиталистически развитых странах давно уже нет несокрушимого, социально-однородного, сплоченного большинства. То большинство, которое противостоит рабочим социалистическим партиям, повсюду представляет собой пеструю амальгаму социально-разнородных элементов: буржуазии и мещанства; аграриев, идущих за ними крестьян и идущих за крестьянами сельских батраков; государственных служащих, интеллигенции и домашней прислуги; отсталых рабочих, идущих за хозяевами и духовенством и т. д., и т. д. Лишь в очень редких случаях (как это имеет место в Австрии) все эти элементы оказываются собраны в единую реакционную массу, которой магнаты промышленности и банков дают материальные средства и директивы движения, перковь доставляет возвышенную идеологию, земельная аристократия поставляет военных руководителей, а крестьянство — голосующее стадо и пушечное мясо.

Этот — версальско-австрийский — тип политической группировки, прельщающий совершенно исключительные требования к пролетариату и к его вождям, наблюдается очень редко (я затруднился бы назвать в современной Европе другую страну, положение которой было бы в этом отношении похоже на положение Австрии). Чаше разнородность социальной базы приводит к политической раздробленности противников социализма, — настолько, что отдельные группы антисоциалистического большинства по тем или иным вопросам нередко сближаются с рабочей партией (оставаясь вместе с тем противниками ее конечной цели).

Именно это обстоятельство вызывает к жизни весь сложный комплекс тактических проблем социалистического движения, к которым мы теперь и обратимся.

5. На пути к власти

Пролетариат приближается к власти, приближается к власти не в той или иной отдельной стране, а во всем мире. В этом основное содержание той исторической эпохи, в которой мы живем, ее темп, ее пафос. Дипломатические комбинации и военные столкновения, исчезновения с карты мира государств с многовековой историей и возникновение новых государственных образований — лишь отдельные исторические эпизоды, а линия развития истории определяется тем, что на смену обществу старого класса, господствовавшему до сих пор над орудиями производства и потому державшему в своих руках судьбы народов, идет другой класс.

Пролетариат приближается к власти, т. к. жизнь всего мира реорганизуется на основе принципов демократии, а в рамках демократического строя пролетарские элементы, составляющие большинство населения или, по мере хода хозяйственного развития, становящиеся таким большинством, все более сплачиваются под знаменем классовой борьбы во имя нового общественного строя. Этим определяется тактика партии, воплощающей в себе волю пролетариата.

Я не хотел бы при характеристике этой тактики пользоваться избитыми понятиями «революционизм» и «реформизм», понятиями, которые так трудно противопоставить друг другу. Результатом революции, осуществленной в полном согласии с лучшими историческими образцами, — сопровождаемой удальными боями, баррикадами, красивыми знаменами и даже гильотинной, — результатом революции может явиться ничтожный социальный сдвиг, не стоящий хорошей реформы. С другой

ставить себе приближающуюся решительную фазу борьбы пролетариата за власть в виде генерального сражения по формуле:

Это будет последний и решительный бой...

Бой уже начался, он кипит вокруг нас, он заполняет все содержание политической жизни нашего времени. Может быть, он и закончится в тех же формах, в каких протекает теперь, может быть, примет более бурные формы. Во всяком случае фронт борьбы непрерывно расширяется: в рабочих союзах, на фабриках и заводах, в городских муниципалитетах, в парламентах, в бесчисленном множестве новых органов — примирительных камерах, рабочих судах, страховых присутствиях и т. д. — повсюду идет борьба труда с капиталом, борьба, в которой обе стороны все отчетливее сознают исторический смысл того, что они делают. Медленно, упорно пролетариат продвигается вперед. Фронт борьбы трепещет, изгибается, — на иных участках его пролетариат вынес свои позиции далеко вперед, на других участках ему лишь с трудом удается отразить удары врагов. Так создается парадоксальное положение: на одном участке классовой борьбы старый гнет, старая нужда, на другом участке представители пролетариата чувствуют себя полноправными организаторами новой жизни, рядом со вчерашними самовластными хозяевами. Так сложилась обстановка, при которой передовые отряды, в частности вожди движения, легко могут утратить психологическую связь с массами. И буржуазия умеет использовать все выгоды такого положения.

Вождем — особенно, покладистым вождям — весь почет, массам — терпение.

К этому присоединяется еще другое обстоятельство: С ростом движения все более разрастается его организационный аппарат, — неизбежно создается многоголовая партийная и синдикальная бюрократия. С расширением фронта борьбы множатся мелкие очередные задачи, распыляется внимание, распыляются силы, — люди, поглощенные практической работой законодательства и управления, привыкают в этой работе видеть самую сущность движения; их социальный пафос постепенно остывает, их общественный идеал тускнеет, социализм из конечной цели и регулятивного принципа движения превращается в средство избирательной агитации, в пустую лозунг — «для простого народа».

Так, по мере роста рабочего движения, по мере приближения пролетариата к власти, движение оказывается все в большей мере под действием противоположных сил: одна сила укрепляет сознательную, социалистическую, революционную струю движения, другая толкает его на путь мелочного практицизма, безыдейной постепенности.

Нет илюзии останавливаться здесь на единичных примерах таких уклонов рабочего движения в различных странах и доказывать, насколько губительны эти уклоны для дела собирания сил пролетариата под социалистическим знаменем. Задача вождей рабочего движения в нынешней его фазе заключается именно в органическом объединении непрерывно растущей, зачастую мелочной практической работы с основной исторической линией борьбы, с собиранием сил пролетариата и социальными родственными ему элементами. Австрия, Бельгия и Швейцария — три страны с различными традициями рабочего движения, с различной организационной структурой рабочей партии, но во всех трех странах социал-демократии удалось найти счастливые решение этой сложной задачи: за пропагандой не забывать о практической работе, в ходе повседневной работы помнить о конечной цели.

Поскольку мы стоим на почве демократического осуществления социализма, борьба за конечный идеал рабочего класса должна представляться нам в виде движения по двум линиям: с одной стороны, осуществление и упорочение всех тех преобразований, в которых выражается проникновение социалистических принципов в хозяйственную жизнь (меры социального обеспечения, общественный контроль над производством, развитие хозяйственных предприятий самоуправляющихся общин, короче, вся та политика, которая в Германии получила в последнее время обозначение «демократизация хозяйства»), с другой стороны, борьба за прочное большинство в населении, в парламентах, в муниципальных советах и т. д. Вопрос об иерархическом соотношении этих двух сторон социалистической работы представляется праздным: бесплодна органическая работа, не освещенная идеалом конечной цели движения, не ведущая к сплочению сил пролетариата; но с другой стороны, безнадёжны попытки подготовить пролетариат к власти, если эти попытки ограничиваются устной и письменной пропагандой, если с-д-тия не в состоянии на деле доказать пролетариату и возможным его союзникам свою способность к практической работе, к управлению.

В тех случаях, когда интересы повседневной органической работы сталкиваются с интересами просветительной и организационной подготовки пролетариата к социализму, конечная цель движения, само собою разумеется, должна стоять выше соображений и комбинаций сегодняшнего дня. Но искусство политических вождей заключается именно в том, чтобы избегать таких столкновений...

Все эти соображения имели бы силу и в том случае, если бы социализм и не стоял на пороге истории, если бы партия пролетариата не готовилась из сильнейшей партии оппозиции стать партией большинства. Но особенность переживаемой нами эпохи ставит социализму особые практические задачи. И прежде всего встает здесь вопрос об отношении социал-демократии к другим политическим партиям.

Идет ли развитие к сглаживанию классовых интересов, к сближению социал-демократии с партиями буржуазии, или наоборот, по мере приближения исторической развязки борьба принимает все более обостренный характер? Достаточно присмотреться к политической жизни Германии и Англии, Франции и Бельгии, Чехословакии и Австрии, не говоря уже об Италии, Испании, Венгрии, чтобы убедиться, что пролетариат не должен питать никаких иллюзий относительно возможности добровольных уступок со стороны господствующих классов. Классовая борьба стала за последние 10-летия еще упорнее, ожесточеннее, обнаженнее, чем была она на заре движения. Правда, смирчилось — и то не везде — ее внешние формы. Но лежащие в основе ее противоречия, те противоречия, преодоление которых как раз и является исторической задачей рабочего движения, остались неизменными.

Но это не значит, что для социал-демократии все лежащее вне ее и противостоящее ей общественные силы окрашиваются в единый черный цвет, как силы фашизма. Такая концепция представляла бы вопиющее противоречие со смыслом нашей эпохи, с очередной исторической задачей рабочего движения.

Социалистически организованный авангард пролетариата представляет в настоящий момент меньшинство, — он должен стать большинством. Социал-демократии противостоит возглавляемое буржуазией пестрое объединение различных социальных групп, политическую и физическую мощь которого образуют отсталые элементы пролетариата, идущие за хозяевами, и крестьяне, идущие за крупными аграриями. Это

объединение должно быть разбито. Такова стратегическая задача рабочего движения, и она не может быть разрешена методами насилия, восстания, — повсюду, в Европе и Азии, где коммунизм увлек пролетариат на этот пагубный путь, результатом явились несчетные жертвы, поражение пролетариата, разгром и физическое истребление его авангарда, сплочение сил реакции.

Но и путь постепенной пропаганды, молекулярной просветительной работы, отрывающей по одиночке пролетарские и полупролетарские элементы из под влияния буржуазии, не ведет к успешному разрешению задачи. Борьба вступает в полосу широкого маневрирования. Партия пролетариата стремится расколоть фронт противников, привлечь на свою сторону одних, победить предубежденных и добиться нейтралитета других.

Маневрирование, конечно, опаснее, нежели позиционная борьба. При маневрировании можно порой ошибиться в выборе направления удара, оказаться вынужденным отступить, — и при том отступить с потерями. И все же бывают положения, при которых военачальник должен предпочесть маневрирование спокойной оппозиционной войне. В частности, нельзя оставаться «в обжитых» окопах, когда положение на фронте созрело настолько, что пора искать развязки затянувшейся борьбы.

Для социалистической партии маневрирование означает активную политику, гибкую, подвижную тактику. К маневрированию относится, в частности, политика коалиций.

При вступлении в коалицию представители пролетариата заключают с представителями других классов временное соглашение о совместном участии в власти на основе общей программы и размежевания сфер управления (распределение портфелей). При этом неизбежно временное перемирие, смягчение борьбы на данном участке фронта, — это, несомненно, отрицательная сторона коалиции. Но с другой стороны, при каждой коалиции, в которой социал-демократия играет достаточно активную роль, она взрывает единый фронт своих врагов и заставляет часть своих классовых противников выступать против другой части. В этом, в исторической перспективе, борьба социал-демократии за большинство и за власть, положительная сторона коалиции, — даже коалиции, остающейся практически бесплодной.

Социал-демократия, под знаменем которой собралась

не окончательно изжитое прошлое прозирается в будущее. Пафос отрицания демократии основывается на вере, что именно «мы» являемся меньшинством, которое призвано властвовать и повелевать. В этом психологическое родство (я сказал бы даже: тождество) большевизма и фашизма, при всем различии социальной базы этих обоих течений. Их пафос — пафос господствующего, правящего сословия. Такой пафос может получить сколько-нибудь широкое распространение лишь в странах, стоящих на низком уровне политического развития, в странах, население которых не прошло школы личной и гражданской свободы. Недаром просвещенные путешественники, побывавшие в гостях у советского правительства, расточающие у себя на родине похвалы этому правительству, его достижениям и в еще большей степени его намерениям, обычно делают при этом одну оговорку: советский строй превосходит для русского народа, но культурным народам Запада трудно было бы привыкнуть к системе, упраздняющей личную свободу!

Трудно логически опровергнуть насквозь субъективную идеологию людей, верующих в особые права и особую миссию своей группы (независимо от того, фашистская это группа или большевистская). Но, может быть, подсчеты, которые мы сделали в предыдущих главах, заставят задуматься кое кого из колеблющихся между идеей демократии и идеей правящего меньшинства. В экономически развитых странах политически активно — как общее правило — огромное большинство населения, коэффициент участия в выборах доходит здесь до 75-80%, в больших городах даже до 85%. В общем и целом, большинство населения делает из своего права голосования то употребление, которое соответствует реальным интересам данной социальной группы, — только процесс осознания каждой группой своих интересов совершается не повсюду одинаково быстро. Пролетариат все более спланивается вокруг социалистического знамени. Этой растущей силе противостоят партии и группы буржуазии, которым удается до поры до времени вести за собой крестьянство и часть рабочих и служащих. В осознании массой населения программы, соответствующей их положению и их интересам, главное содержание того процесса социальных перегруппировок, который происходит в настоящее время во всем мире. Каковы должны быть результаты этого процесса на путях демократии, мы знаем. Посмотрим теперь, что должно получиться при от-

казе от этих путей, при замене принципа демократии методами насилия и диктатуры.

Эти методы могут быть пущены в ход либо для того, чтобы задержать исторический процесс (фашизм), либо для того, чтобы ускорить его (большевизм). Но преградить силой движение к власти растущего класса можно лишь пока этот класс еще не окреп: торжество фашизма возможно было в Италии, Венгрии, Испании, но очень сомнительно перенесение фашистских методов в страны мощного рабочего движения, как мало вероятно и упреждение фашизма в странах с относительно слабым рабочим движением, но с прочными традициями политической свободы. Торжественные юбилеи столетия то лет господства Муссолини, Хорти, Прима-де-Риверы, даже с присоединением к ним малюсенького Вальдемараса, доказывают лишь одно: в хозяйственно и культурно отсталых аграрных странах возможно управление организованного меньшинства. Положение, не отличающееся новизной и оригинальностью в более широком масштабе и с большей убедительностью правильность его доказывалась существованием самодержавия в России... до тех пор, пока паризм не был сметен революцией.

Ускорение исторического процесса методами насилия и диктатуры составляет основу тактики большевизма. Убедительность свою эта тактика черпает из факта существования советской России, огромного государства, управляемого на началах диктатуры партией, вышедшей из революции, ведущей свое происхождение от марксизма, провозглашающей хозяйственную политику, напоминающую некоторыми своими чертами социализм (хотя бы в карикатурном его отображении), и, главное, широко пользующейся всем арсеналом революционно-социалистической фразеологии. Но именно результаты «русского опыта», еще так недавно окружавшие большевистскую доктрину в глазах широких масс Запада, ослепительным ореолом, теперь все более обнажают убожество и бесплодность этой доктрины.

Большевизм пришел к власти в России отнюдь не по лозунгу немедленного осуществления социализма насильственным путем. Он восторжествовал, так как сумел увлечь за собой уставшую от войны 10-миллионную армию, жаждавшую немедленного мира, мира во что бы то ни стало. Не высказанный до конца лозунг сепаратного мира почти исчерпывал политическое содержание октябрьского переворота. В последующие годы, в годы гражданской войны, большевизм пытался не раз найти свой социальный лик, но безуспешно. Невозмож-

но отрицать, что в эти годы он возглавлял борьбу крестьянства против дворянско-помещичьей реакции, и что на деникинском фронте был — хоть на краткий миг — осуществлен союз пролетариата и крестьянства, союз, который играет столь видную роль в большевистской фразеологии и закрепление которого было бы величайшим историческим делом советской власти. Но скоро, очень скоро штыки и пулеметы красноармейцев обратились против деревни, и с тех пор борьба диктаторствующей партии с деревней является осью всей внутренней политики Союза «рабоче-крестьянских» республик. В советской конституции, с 7-степенными выборами и неравным представительством городского и сельского населения; в советском бюджете, всей тяжестью своей давящем крестьянство; в советской хозяйственной политике, систематически экспроприрующей крестьянские хозяйства в пользу «потешных» предприятий казны; в ношении нем, в организации внешней и внутренней торговли, — во всем красной нитью проходит борьба диктаторствующей партии с тем общественным классом, который составляет большинство трудящегося населения России. И эта борьба — не случайная гримаса советской действительности, которая могла бы быть изжита победой рыковцев над сталинцами на кремлевском Олимпе. Эта борьба — естественный, исторически неизбежный результат попытки осуществить социализм методами насилия в стране, где отсутствовали предпосылки для демократического преодоления капитализма.

Зрелость страны для ее перехода к социализму определяется ее хозяйственной структурой, — не числом доменных печей, не мощностью паровых турбин и электромоторов, не числом автомобилей, а, прежде всего, численностью и взаимоотношением тех социальных классов, которые являются живыми носителями производительных сил и хозяйственной организации. Решающим признаком является при этом численность пролетариата, коэффициент пролетаризации. Лишь там, где пролетариат (один или вместе с близкими ему полупролетарскими элементами) составляет большинство населения, может он осуществить свой хозяйственный идеал. Там, где не дана эта предпосылка, речь может идти лишь о расширении общественных предприятий, но эта политика имеет свои пределы. Демократический принцип дает чувствительный манометр для измерения давления социалистических паров в котле. Большевики заменили манометр штыком.

Свои неудачи на фронте социалистического строительства они пытались объяснить трудностью построения социализма в одной стране. В действительности, этот нумерический признак не имеет решающего значения: если бы опыт производился одновременно в России, Китае, Тибете, Афганистане, Хиве, Бухаре и Персии, — то в этих семи странах построить социализм было бы так же невозможно, как в одной России. Дело не в ограниченности территории, а в степени хозяйственного развития, в экономической и социальной зрелости населения, которого диктаторская власть бросила на висекционный стол своих опытов.

При численно ничтожном, политически мало подготовленном пролетариате, строительство социализма в России должно было выразиться в воскрешении аракеевщины. Кто то должен был платить за дорогостоящий опыт, платить мог лишь мужик, — и потому острее государственной машины должно было обратиться против деревни. Но в деревне — большинство населения России, и потому советская система должна была возвести в принцип бесправие.

История показывает, что меньшинство может веками и тысячелетиями господствовать над большинством, — если только оно дает этому большинству все то, чего требует его хозяйственный быт, — прежде всего, мир, безопасность, возможность реализации хозяйственных излишков (так обстояло, между прочим, дело в древнем Египте). Но именно поэтому просвещенный абсолютизм невозможен там, где хозяйственная программа государственной власти не отвечает объективному ходу развития страны и противоречит стремлениям большинства населения. Где имеется налицо такое противоречие, там абсолютизм неизбежно теряет свой «просвещенный» характер и вырождается в деспотизм, — диктатура отбрасывает на страну кровавую тень террора.

Это и случилось в Советской России: по глубоко верному замечанию П. Б. Аксельрода, диктатура именем пролетариата превратилась в диктатуру над пролетариатом.

По-прежнему стоит на русской границе триумфальная арка с многоязычной надписью:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

По-прежнему развевается красный флаг над Кремлем. По-прежнему скрипят тысячи казенных перьев, работают наборщики, вертятся валы ротационных машин, каждый день выбрасываются в свет миллионы листов печатной бумаги, про-

славляющей успехи социализма в советской стране. Но безнадежно вывели некогда яркие слова, ни в ком не вызывают они ни веры, ни энтузиазма, ни надежды на лучшее будущее. И сквозь мишуру казенной рекламы все яснее выступает наружу нагая истина — безнадежный провал попытки разрешить историческую задачу пролетариата без учета исторической обстановки и без пролетариата, методами насилия и диктатуры.

Большевистский опыт в России — доказательство от противного того тезиса, который лежит в основе современного рабочего движения и из которого мы исходили на предыдущих страницах, как из не требующей доказательства предпосылки:

социализм будет осуществлен пролетариатом методами демократии, он придет на смену капитализму тогда, когда классовое рабочее движение в хозяйственно передовых странах сплотит большинство населения.

Это время — для Западной Европы — уже не за горами.

ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА ПО ЭКОНОМИКЕ И СТАТИСТИКЕ:

Рынок и цены. Теория потребления, рынка и рыночных цен. С предисловием М. И. Туган-Барановского. Изд. М. Пирожкова. С.-Петербург, 1906.

Зарботная плата. С.-Петербург, 1910.

Рабочий рынок во время войны. Изд. Союза Городов. Иркутск, 1917.

Die Welt in Zahlen. Rudolf Mosse Buchverlag, Berlin.

1. Buch: Die Erde — Die Bevölkerung — Der Volksreichtum, 1925.
2. Buch: Die Arbeit, 1926.
3. Buch: Die Landwirtschaft, 1926.
4. Buch: Das Gewerbe, 1926.
5. Buch: Handel und Verkehr, 1927.
6. Buch: Die öffentlichen Finanzen, 1927.
7. Buch: Staatliches und kulturelles Leben, 1928.

Весь мир в цифрах. Изд. «Знание», Берлин.

Книга первая: Земля — Население — Народное богатство.
Книга вторая: Труд, 1906.

Die Vereinigten Staaten von Europa. J. N. W. Dietz Nachf. Verlag. Berlin, 1926.

Les Etats-Unis d'Europe. Edition «L'Eglantine». Bruxelles, 1927.

Problemi svetske privrede. Izd. Radnickih Komora u Beogradu, 1926.

Zehn Jahre Neues Deutschland. Rudolf Mosse Buchverlag. Berlin, 1929.

